

ЗА ИСКУССТВО, ДОСТОЙНОЕ НАШЕЙ ЭПОХИ

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

ХХ съезд Коммунистической партии Советского Союза открыл новую славную страницу в истории партии Ленина — Сталина и Советского государства, в истории международного коммунистического движения.

все полотна, показанные на выставках последних лет, мы затрудняемся назвать произведением, в котором радостный созидательный труд советского человека был бы запечатлен с такой силой художественного выражения, с какой изображен был подневольный труд русского человека в прошлом, например в репинских «Бурлаках» или на полотнах Н. Касаткина.

В большинстве своем легковесны и чрезвычайно условно связаны с современной тематикой произведения, созданные за последние годы нашими композиторами. За редкими исключениями («Песнь о лесе» Д. Шостаковича и некоторые другие), новые музыкальные произведения экзальтированы, слабы по форме.

Единственное произведение, посвященное трудовой жизни советской деревни, — опера «От всего сердца» Г. Жуковского, — была справедливо оценена советской общественностью, как слабое, фальшивое, художественно неполноценное. Две оперы на исторические сюжеты, написанные нашими композиторами и либреттистами («Богдан Хмельницкий» и «Угрюм-река»), в режиссерских переработках тоже были подвергнуты справедливой критике.

Все это во многом объясняется недостаточной тесной и повседневной связью деятельности литературы и искусства с жизнью народа, их недостаточным энергичным вторжением во все стороны советского бытия.

Ярким примером отрыва от правды жизни, приводящего к созданию фальшивых и порочных произведений, является опубликование в журнале «Октябрь» пьесы его главного редактора Ф. Панферова «Когда мы красимся» или постановка на сцене Театра сатиры пьесы К. Фина «Личная жизнь».

Подневольный, тяжелый труд рабочего или крестьянина в капиталистических странах изображен во многих произведениях искусства. Прогрессивные писатели и художники прошлого создали образы труда, калечащего человека, отнимающего у него радость и счастье. Но только в советское время открылась возможность осветить картины человеческого труда солнечным светом радости и гордости за человека — творца всех земных сокровищ. Поэтому казалась настоящей удачей в разработке темы творческого труда советского человека не может не быть удачей новаторской, открытием новых горизонтов в искусстве, ибо оно предполагает нахождение того, чего не знало, не выразило искусство доиславистической поры.

«Сила и значение реалистического искусства», — читаем мы в докладе товарища Маленкова, — состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей».

Такой образ рядового человека нашей эпохи могут создать лишь художники, тесно, повседневно, органически связанные с жизнью. Но бывает и так, что молодой писатель, художник или музыкант, как будто бы знающий жизнь, создает серое, неинтересное, а иногда и идеино неполноценное произведение потому, что идейный багаж его невелик, литературный опыт ничтожен и мастерства недостаточно.

Есть среди некоторых мастеров старшего поколения и среди молодых людей, которые думают, что при таланте да при богатой интуиции писатель или художник и без специальной идейной подготовки, «чутьем художника» может постигнуть диалектику жизни. Однако факты говорят о другом. Нередки случаи, когда из-за недостаточной идейной вооруженности впадают в крупные ошибки опытные и талантливые мастера. Вспомним неудачу В. Катаева в первой редакции романа «За власть Советов», недостатки пьесы А. Софронова «Карьера Бекетова», слабую картину «Спортивная честь» В. Петрова.

До сих пор, увы, многие из наших товарищей, в том числе и мастера старшего поколения, не всегда придают должное значение теории. Разве термины, например, что многие московские писатели не уделяют внимания повышению своего идеологического уровня?

Обогащая свой идейный багаж, мы обязаны непрерывно совершенствовать мастерство. Требуемость одаренных художников к себе, к своему мастерству приводит к проникновению в искусство холодных ремесленников, бездушных халтурщиков, невсесоюзителей от искусства. Это и понятно: когда мастера становятся требовательными к себе, у них пропадает острота требовательности и к другим.

Чем, как не повышением чувства ответственности за творческий результат работы, можно объяснить такое, например, явление, что некоторые наши драматурги отдадут в театр или в кино студию не законченную драму, киносценарий, а вариант пьесы или сценария, чаще всего являющийся небрежным изложением авторского замысла. Как-то трудно себе представить Гоголя, Островского или Горького в роли авторов «первых вариантов», безропотно вносящих в текст своих произведений все, что говорят редакторы, рецензенты, референты, режиссеры, ассистенты, артисты и другие, им же несть числа. Работа автора с театром и редактором, безусловно, нужна и полезна. Но думается, что подлинная, долго живущая и действующая драматургия и кинодраматургия появляется тогда, когда автор сценариев и пьес откажется навсегда от практики «первых вариантов» и будет приносить в театр и кино произведения, в которые они уже вложили максимум своих творческих возможностей, максимум знания жизни и мастерства.

Слабое внимание к вопросам мастерства всегда сочетается с недостаточным чувством самокритики и неразвитым чувством ответственности перед народом. Требуемость к своему творчеству, пренебрежением к интересам зрителя можно объяснить, например, страшный «износ» долго идущих на сцене наших московских театров спектаклей.

В Театре имени Моссовета спектакль «Рассвет над Москвой», получивший Сталинскую премию, идет в настоящее время на крайне низком художественном уровне. Из-за снижения творческой дисциплины «разбитыми» некоторые другие спектакли московских театров — «Белые денги», «Старые друзья» в Театре имени Ермоловой, «Пиковая дама» в Большом театре, «Школа зловещих» в МХАТ. Низкое творческих возможностей осуществления по-

становку пьесы польского драматурга А. Тарна «Обычное дело» Театр имени Пушкина.

Снизилась требовательность к мастерству у некоторых наших художников. Отборочные комиссии стали пренебрегать такими существенными элементами оценок, как совершенные формы, как индивидуальный творческий почерк художника.

Ярким пренебрежением к мастерству, стандартно прикрываемым «бесовой», «эпохальной» тематикой, грешат и некоторые наши композиторы, в особенности пишущие вокальные произведения для массового пения и для концертного исполнения.

Мы должны во много раз повысить требовательность к себе и своим товарищам по оружию. Жесткая борьба, которую мы вели и ведем с формализмом, не отменяет, а предполагает еще более яростную борьбу за совершенство художественной формы во всех видах советского искусства.

Нам есть у кого учиться. Наши предшественники оставили неповторимые образцы подлинно классического сочетания глубины и значительности содержания своих произведений с предельным совершенством и красотой формы. Никогда не следует забывать, что наши современники и строители нашего искусства были такие выдающиеся мастера, как Горький и Маяковский в литературе, Станиславский и Немирович-Данченко в театре.

Выдвинутое в докладе товарища Маленкова положение о типическом открывает писателям и деятелям искусства глаза на важнейшие элементы их творческой деятельности, обогащает наше понимание метода социалистического реализма. Положение о типическом наносит сокрушительный удар по бессмысленным эмпирикам и замаскированным последователям натурализма.

Как известно, некоторое время тому назад в литературе и искусстве, в первую очередь в драматургии, получила развитие глубоко вредная и фальшивая теория так называемой бесконфликтности.

Партия Ленина — Сталина, внимательно и четко наблюдая за процессом развития нашего искусства, разоблачила вредную сущность этой жесточайшей, поставила перед деятелями литературы и искусства во весь рост задачу развития захиревших сатирических жанров.

Сатирический жанр не нов для советской литературы и искусства. Мы знаем Горького, как блестящего публициста-памфлетиста. Жанр развлекательной сатиры представлен творчеством Маяковского, фельетонами и баснями Д. Водного. Элементы сатиры и острого социального юмора есть у М. Писковского и А. Гладковского, у А. Безыменского. Мы знаем бесподобные памфлеты А. Толстого и И. Эренбурга. У нас когда-то работали в жанре комедия В. Катаев и И. Шварцман. У нас есть мастера фельетона Д. Заславский, С. Нарынник, И. Рабов.

В изобразительном искусстве в сатирическом жанре работают Кузнецов, Б. Ефимов, В. Прохоров, Ю. Гаф, А. Софрин, В. Горин, И. Семенов, Я. Елисеев, М. Черемных — художники разных поколений, зарекомендовавшие себя, как хорошие мастера сатиры и юмора.

Театр и в Москве и на периферии имеет плеяду мастеров, с блестящим выступлением в сатирическом репертуаре. Есть у нас и добрая сатирическая традиция на эстраде, на арене цирка.

Словом, есть у нас талантливые люди. Но для того, чтобы все эти силы привнести в движение, Союз писателей, Комитет по делам искусств, Министерство кинематографии, дирекция театров должны не только признавать, что сатира не вредна, но исполнять желание использовать ее на деле.

У нас нередко понапрасну тратят энергию на выяснение процентного соотношения положительных и отрицательных персонажей в сатирических произведениях. Надо помнить, что дело не в том, чтобы попросту расположить положительное и отрицательное в сатирическом произведении, а в том, чтобы, приступая к его созданию, нести в своем сердце веру в победу коммунизма, святую ярость против всего, что мешает, что замедляет наше движение к цели. Талантливый и честный советский сатирик с ясными идейными позициями, с ясным и глубоким знанием жизни общества никогда не впадет в пассивность типа Зоженко, никогда не унизится до безудачного хихикания над недостатками, которые надо выкинуть каленым железом гневного обвинения.

С трибуны XIX съезда партии в ряде выступлений делегатов прозвучали слова успеха Союзу писателей в том, что он не смог устранить лутанину и неразбериху в некоторых вопросах истории братских лигатур. Эти выступления вновь и вновь поставили перед нами вопрос о состоянии критики. Литературная критика плохо справляется с большими задачами, стоящими перед литературой и искусством. Не сильнее и наши кадры в области теории и истории литературы и искусства. Это видно хотя бы по состоянию журналов «Театр», «Искусство», «Искусство кино», «Советская музыка». Это можно заметить и в явной критической разделке наших толстых журналов, «Литературную газету» и газету «Советское искусство». Вопросы социалистического реализма разрабатываются вяло, чаще всего отвлеченно, схоластически. До сих пор философия не подарила нам ни одного труда по марксистско-ленинской эстетике.

Все еще некоторые мастера литературы и искусства страдают застарелой болезнью не любви к критике и самокритике, придерживаясь принципа «не смей меня трогать». А ведь мы знаем немало случаев, когда серьезное отношение автора к справедливой критике его произведения приводило к положительным результатам. Так было с «Молодой гвардией» А. Фадеева, с фильмом «Молодая гвардия» С. Герасимова, с романом «За власть Советов» В. Катаева.

Задача огромного исторического значения поставил XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза перед всеми работниками культуры, искусства, литературы. Чтобы достойно, с честью выполнить эти задачи, мы должны последовательно, решительно устранить в нашей творческой деятельности, в работе наших творческих союзов и государственных органов, ведающих вопросами искусства и кино, многие недостатки. Без самого широкого развертывания критики и самокритики среди деятелей искусства и литературы мы не сможем быстро изжить недостатки, расчистить путь для успешного движения вперед.

Культурно и заинтересовано живут колхозники селенохозяйственной артели имени Ленина, Первомайского района, Одесской области. Они славно трудятся в этом году. Помогает колхозный трудень. Например, семья колхозника П. Ридюш только авансом на выработанные трудовые получала, кроме денег, 75 пудов пшеницы, 10 пудов подсолнечника, много овощей. На снимке: П. Ридюш (слева) в книжном магазине покупает литературу.

Фото А. ПОДБЕРЕЗСКОГО

Собрание работников литературы и искусства столицы

Шестого декабря в Колонном зале Дома Союзов состоялось собрание работников литературы и искусства, созданное Московским городским комитетом КПСС. С докладом о задачах работников литературы и искусства города Москвы в связи с решениями XIX съезда КПСС выступил А. Сурков.

В докладе и выступлениях на собрании отмечалось, что решения XIX съезда партии обязывают всех работников литературы, театра, кино, музыки, изобразительных искусств предпринять серьезные недостатки, которые препятствуют развитию искусства. Серьезной критике подверглись творческие организации, которые плохо помогают писателям, художникам, композиторам, работникам театра и кино.

М. Царев говорил о постоянной творческой связи театра с драматургами, без которой не может быть успеха в создании спектаклей на современные темы. Он указывал, что Комитет по делам искусств и его органы совершенно недостаточно работают в вопросе молодых актеров и режиссеров.

А. Софронов признал, что решение Центрального Комитета партии о репертуаре драматических театров выполняется крайне неудовлетворительно. Союзу советских писателей, секции драматургов, самим драматургам пора перейти от зазеркалий к делу — дать театрам хорошие пьесы.

Отмечая вред, который нанесла драматургия теории бесконфликтности, А. Софронов остановился на вопросах театральная критики. Он отметил, что в литературных журналах и «Литературной газете» редко помещаются глубокие, серьезные статьи по вопросам драматургии, и подверг резкой критике газету «Советское искусство», допустившую в вопросах искусства много вредной лутанины.

Т. Хренников отметил, что советские композиторы в большом долгу перед народом. Среди опер, созданных за последнее время, нет ни одного произведения о наших днях, о героях строя коммунизма, о могучем советском человеке. Имяется серьезная недостатка в деле создания произведений программно-симфонической музыки, массовой песни.

А. Тарасова сказала, что за последние два года Художественным театром создано очень мало новых спектаклей. С большой силой произвучал в речи А. Тарасовой справедливый упрек драматургам, не создавшим яркого и глубокого образа советской женщины.

Вопросам теории литературы посвятил свое выступление В. Ермилов.

О. Лопшиной отмечено, что в репертуар Большого театра до сих пор нет спектаклей, отражающих героизм наших дней, жизнь советских людей. В театре существует боязнь критики руководящих работников и ведущих артистов.

На собрании также выступили А. Герасимов, упрекавший работников театрического фронта, не создавших до сих пор репертуара по марксистско-ленинской эстетике, и И. Большаков, остановившийся на задачах и перспективах развития кинематографии.

В заключение выступил секретарь Московского городского комитета КПСС И. Напнтонов. Он призвал работников литературы и искусства столицы ответить на исторические решения XIX съезда КПСС созданием новых значительных высокоидейных художественных произведений, достойных сталинской эпохи.

Единодушно с огромным воодушевлением собрание приняло приветственное письмо И. В. Сталину.

В Советском Комитете защиты мира

5 декабря с. г. состоялся пленум Советского Комитета защиты мира, избранного Четвертой Всесоюзной конференцией сторонников мира.

Пленум рассмотрел организационные вопросы.

Пленум избрал президиум Комитета в составе: т. Тихонова Н. С., Фадеева А. А., Исаевова А. Н., Грехова В. Д., Эренбурга И. Г., Корнейчука А. Е., Симонова Р. М., Нововой Н. В., Герасимова С. А., Тухачевой З. П., Котова М. П., Суркова А. А., Кочемасова В. И.

Председателем Советского Комитета защиты мира избран Тихонов Н. С.

Заместителями председателя Советского Комитета защиты мира избраны т. Грехов В. Д., Эренбург И. Г., Тухачева З. П., Герасимов С. А.

Ответственным секретарем Комитета избран т. Ютов М. И.

Развездной жених

Жених и невеста... Что-то удивительно милое в этих двух словах, известных каждому еще со времен детских песенок-дразличек и салочек. Нет человека, который не пришел бы в смущение, когда о нем говорят: — Пожалуйста, знакомьтесь, — это вот жених...

Впрочем, есть такой человек...

На квартире о нем неплохого мнения. Нет, Петр Петрович никогда себе лишнего не поводит... И не то, чтобы в сторону женщины, а вообще ни в какую сторону не смотрит. Под ногой устает и прохордит молча. Нет, в отношении поведения — это образцовый человек.

Петру Петровичу пятьдесят первый год, себе он хотя и шутовал, зато присека пшпаш, в расчл, развездной и социальность. И должность у него солидная: занимает пост в одном из министерств СССР. Всесоюзный масштаб Петру Петровичу по душе. Но при этом Петр Петрович ждал бы, чтобы из города в город не ходили ни письма, ни телеграммы и не только что писала, а и слухи даже не шли бы...

Но вот у почтовых сотрудников нет сочувствия к человеческой тонкости. Не спросит, что и зачем, пересылает письма... Почтаем их.

Вот письмо, адресованное во Львов весной этого года. Оно написано красивым, размашистым почерком самого Петра Петровича: «Здравствуй, злюка! Прочтя твою письмо, я пришел к выводу, что ты находишься под чьим-то влиянием. Мой милый голубочек, Петр Петрович, я устаю ждать этого часа, но я его жду. Я надеюсь на этот час день, вечность. Твой навсегда! Привет мамочке, целую тысячу раз. Петр».

Вот второе письмо, написанное в тот же Львов, на ту же улицу Чкалова: «Уважаемая Д. В. Л. Вы мне еще не знакомы, но мне хочется до моего приезда к вам просить руки вашей милой для меня дочери. Делая это предложение, меня беспокоит одно — огромная разница в летах, но я это предложение делю после того, как мы пришли к твердому решению быть вместе. Сейчас мне хотелось бы, вернее, я прошу вас написать мне свое решение. Мне легче будет прехать к вам в отпуск и обо всем переговорить. Почему-то мне думается, что я не буду для вас противен. Подробней обо мне расскажет ваша Н.».

Напрасно Петр Петрович рассчитывает на юную дочь уважаемой Г. В. Вряд ли она может так подробно рассказать о жизни и деятельности своего многоопытного жениха, как это делают письма, адресованные ему из всех университетских городов Советского Союза. В наши руки попала только часть этой наскернейшей переписки, которую по роковой рассеянности Петр Петрович забрал в доме одной из своих невест.

Простое сопоставление дат позволяет обнаружить, что в тот же день, когда Петр Петрович отправил письмо во Львов с просьбой отдалить ему руку и сердце Н., он получил письмо из Ленинграда от А. Оно написано крупным почерком и выведено по линейкам так чисто и аккуратно, как пишут только на выпускных экзаменах: «Здравствуй, миленький мой Петр! Дорогой, ты мне знала такую трудную задачу, что я просто не знаю, что и ответить. Я очень хотела бы, как ты просишь, провести отпуск вместе с тобой, да еще на Кавказе, но в настоящее время моя мамочка нездорова. Однако папа и мама не хотят лишать меня счастья, а потому я против нашей поездки, но, конечно, при условии законного оформления брака. Петр, миленький, я делаю протест твои письма мамочке, она согласна, чтобы ты стал моим мужем и ее зятем. Она будет тебе любить и забавлять, как о родном сыне. Целую крепко много раз. Твоя А.».

Письмо из Дзуджикау, Май 1952 года: «Привет моему роднейшему Петру! Сегодня я получила твоё письмо и сообщила папе о том, что ты требуешь, чтобы я приехала к тебе в твой отпуск. Я звала его с собой. Он ответил: «Отче, не поехать к зятю». Но видя твоего неажного материального положения я больше склонна к тому, чтобы ты приехал к нам в Дзуджикау. Тебе здесь не придется ходить по стогам. У тебя будет все: ласка, привет, домашний уют и вино... Крепко целую Г.».

Безица, Брянская область. Май 1952 года: «Любимый! Письмо получила. Оно такое хорошее, теплое, что нерольно начинать сердце таять. Ты так уверенно пишешь о своем скором приезде в отпуск, что я вновь начинаю верить. Петрик, голубчик, не сердись, что пишу мало, но, по-моему, тебе достаточно того, что я жду тебя. Любаша твоя Ф.».

Письмо Петру Петровичу из Саратова от гр-ки П.: «Приближается день нашей счастливой и радостной встречи. Неужели тебе дадут отпуск? Как я рада. Мама тебе тоже желает. Знаешь, дорогой, что она тебе купила? Пельмени!».

Письмо из Днепрпетровска; подписано Е. Оно тоже родилось в счастливые для меня: «Де же твой отпуск? Вот уж второй год ты меня обмашаешь. Если согласишься встретиться, я это тебе докажу на фактах, я встретиться на бесспорно придется. Пора, наконец, разрешить этот узел, или куда-нибудь. Если будешь брать командировку к нам в Днепрпетровск, ты раньше поможай, приезжай ли в Госуниверситет. Может быть, тебе лучше выбрать другой вуз. Ж. Петр. Петр...»

В эти же дни Петр Петрович получает еще одно письмо из Львова. Он сам писал во Львов на улицу Чкалова, как жених И. который просит у ее матери разрешения жениться. Однако письмо, которое мы привели, — с другой улицы, с улицы Пушкина, и подписано оно другой девушкой по имени М.:

«Зачем, зачем ты меня развезд? Скажи, за что? За мою глупость и неосторожность или просто за то, что я встретилась с тобой и больше двух лет жду тебя каждый день, каждый час. Кого же я жду: мужа или человека, который должен меня погубить? Ты писал, что скоро приедешь в отпуск во Львов. Если ты не приедешь, значит все твои письма и горячие поцелуи пропали. Петр, ты же должен был не пойти. И, наверно, теперь никогда не пойдешь».

Неприятно читать эти документы. Это тома и тома переписки, которые могли бы стать, а может быть, когда-нибудь, станут томами судебного дела. В них вскрыются то, что неизвестно председателю месткома, сослуживцам, соседям: личная жизнь Петра Петровича. Собирается в командировку, — он едет однанадцать месяцев в году, — Петр Петрович упаковывает такой портфель с полотенцем и коллоидной гущей, берет большой чемодан с письмами и расстрями невест, с адресами знакомых и еще мало знакомых женщин. Это спущих не мертвых, а живых душ. Он всюду пьет, ест, будничные вещи ему покупают пельменицы, пекнут пироги, крахмалят рубахи, ходят на цыпочках: «Петя спи!».

— Какой Петя?

— Тсс... Жених нашей Анечки. Из Москвы. Очень крупный работник. Скоро приедет в отпуск — поженятся.

Не приедет Петр Петрович в отпуск, гражданки невесты и товарищи теши! И зачем ему отпуск, когда всей работы у Петра Петровича — только вести строгий учет невест, не путать имя и аккуртно отвечать на письма. У него своя карта страны: один кружок — одна невеста в городе, два — два. Крест — это значит: в город въезжать нельзя. Крестов Петр Петрович очень боится.

Он юлит, извивается, смотрит в старинный писемничок, пишет письма, клаясь, приехать в отпуск, обещает жениться, лишь бы сохранил в этом городе возможность не платить квартирных, не тратить суточных — жрать бесплатно.

Не поедет Петр Петрович в отпуск! Он «заспался», провалился! Одна из его невест, полноразрядная и в этом смысле женщина матерого, опытного обманщика, чувствует, что за внешностью дамского угодника скрывается растительное человеческое существо, заинтересованное огромным пакетом писем, оставленным в ее комнате Петром Петровичем.

Дальнейшее нам уже известно. Известно это стало и тем обманутым женщинам, адреса которых были в одной из папок, взятой «похитительницей» наудач. Петр Петрович почувствовал, что почва заколебалась под его ногами. Бледный, с крупными каплями холодного пота на лбу, он въехал в Ленинград 31 августа этого года, пугливо озираясь по сторонам, обжег в аэро. Оттуда он вышел, сохраняя привычную равновесность и выловность. В его злоре сказало: «Наконец, возьми меня! Жениться — грех покрыл! Судят только многоженцев, а я официально чист. Многоженцев, а и все тут! Сходилась по обоюдному желанию».

— Простите, Петр Петрович, не по обоюдному, а по девятнадцатиугольному! — возразили мы при встрече с Петром Петровичем, — у нас есть сведения его из Кострома, Новосибирска, Хабаровска...

— Ложь! Всего девятнадцать! Внесите коррективы! — с жаром воскликнул Петр Петрович.

Мы не могли оставить его просьбы без внимания и вносим корректив.

Нет, не приедет Петр Петрович Кокшети, старший ревизор центральной бухгалтерии Министерства высшего образования СССР, в общий отпуск в 19 городов. Не женится он ни на одной из тамошних невест, так как на его паспорте помещена регистрация брака в ленинградском ЗАГСе. Между тем, как в Москве в одной квартире, больше того — в одной комнате, он продолжает жить с первой женой, с которой когда-то развелся, но вновь вернулся к ней, как только она получила комнату. Мы вынуждены внести эти коррективы, так как по рассекретности Петр Петрович забав предугреждать и свою первую жену и своих невест о том, что женится.

Евг. ШАТУНОВСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

НАУКА И ОПЫТ НОВАТОРОВ

«Литературная газета» опубликовала № 145 за 1951 год статью проф. Г. Шаумяна «Новые пути», в которой был поставлен вопрос о широком комплексном научном обобщении опыта новаторов производства и достижений советских машиностроителей. В статьях В. Шпильганова и А. Шелеста — за творческое сотрудничество, акад. И. Артоболевского — «Ближе к жизни», заместителя ленинградского завода «Красный выборщик» Г. Дубинина — «Новые пути» и проф. И. Капустина — «Долговечность машин» (№№ 6, 8, 18, 67 за 1952 год) авторами был поставлен ряд вопросов научного изучения и обобщения опыта новаторов. Во всех этих выступлениях указывалось, в частности, на необходимость повысить роль отделения технических наук и Института машиноведения Академии наук СССР в обобщении опыта новаторов производства, в объединении научных и конструкторских сил, работающих над созданием машин.

И. о. директор Института машиноведения Академии наук СССР доктор технических наук А. Петрусевич сообщил редакции, что институт в настоящее время осуществляет

перестройку своей работы. При изменении структуры и тематики работ институт учитывается критические замечания, сделанные в передовой статье «Правды» от 17 сентября 1951 г. и другие опубликованные в печати материалы ученых и новаторов производства.

10 декабря состоится расширенное заседание ученого совета института с участием работников заводов и отраслевых институтов. С докладом выступит проф. Г. Шаумян. На этом же заседании будет обсуждено предложение профессоров В. Шпильганова и А. Шелеста об организации специальной комиссии по машиностроению для объединения научных и конструкторских сил, работающих в этой области.

В 1953 году Институт машиноведения совместно с Домом инженера и техника имени Дзержинского организует научно-техническую сессию по обмену опытом повышения долговечности машин. Вопросы, поднятые в статье проф. И. Капустина «Долговечность машин», будут обсуждены на этой сессии.

«СОЧТЕМСЯ С ЛАВОЮ...»

Под таким названием в № 99 «Литературной газеты» был помещен фельетон, посвященный деятельности начальника Академического А. М. Горбачева. В фельетоне был приведен ряд фактов, свидетельствующих о том, что А. М. Горбачев, пользуясь своей должностью, превратил руководимую им проектно-исследовательскую организацию в собственную контору, присваивая себе чужой творческий труд.

Общее собрание парторганизации Академического А. М. Горбачева, обсуждая выступление «Литературной газеты», признало, что фельетон правильно отразил порочную деятельность

А. М. Горбачева на посту руководителя Академического.

За порочный стиль руководства Академического А. М. Горбачева РК КПСС Москвы объявило А. М. Горбачева выговор с занесением в учетную карточку.

28 ноября президиум Академии наук СССР освободил А. М. Горбачева от работы начальником Академического. Однако, если ранее формулировались решения президиума Академии наук СССР, Горбачев освобожден от работы согласно собственной просьбе. Страница формулировка.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ РОМАН

Т. ТРИФОНОВА

Идея художественного произведения, как бы прекрасна она ни была, не дойдет до читателя, если она не облечена в образную форму. Факты не взволнуют, когда они не обобщены, не доведены до типичности, и произведение не станет живым, подлинным отражением жизни, если автор ограничит свою задачу фиксированием зловещей действительности.

Авторы Бортникова могла ехать на курсы совсем в иной обстановке, чем это описано в «Жатве»: она могла не встретиться и не разговаривать с учеными людьми, в общении курсов для нее могла быть не пригодна стонка тетрадей. Но Галина Николаевна при помощи этих тетрадей, положенных заботливой рукой на тумбочку будущих курсантов, выразила великую заботу страны о росте своих кадров. Через бедную, завязавшую между профессором и радовой, в этот период своей жизни далеко не счастливой, женщиной, писательница передала широту путей, открытий перед советским человеком. И мысль дошла до читателя в своей конкретности, в неотраженной убедительности.

Этой-то убедительности не хватает роману молодого писателя С. Воронина, недавно опубликованному в журнале «Звезда». Перед читателем возникает немало людей, но он остается наблюдателем, а не участником их жизни, так как герои романа не яры, не осязаемы. Автор высказывает правильные мысли, но они воспринимаются как отвлеченные тезисы, а не конкретная истина. Иногда вспыхивает живое чувство героя, иногда пробегает напряженная драматическая ситуация — и опять писатель возвращается к последовательному изложению фактов, перескакивая чувства, описание поступков.

Вот выходит из дома после тяжелой болезни человек Павел Кинов. Ему томило сильно от вынужденного безделья, он устремляется в труду вопреки запрету врача. Перед писателем стояла задача: да почувствовать эту жажду труда, эту прекрасную зависть Павла к тем, кто трудится. Автор привел Кинова на огородный участок, где школьники собирают огурлы, а женщины рубят капусту. Вот здесь бы и показать, как «чувствует» работу у Павла Кинова, как ему кажется, что другие работают менее споро, чем работал бы он. Но автор не дает живой картины, необходимой для раскрытия образа, для передачи настроения своего героя. Павел оказывается в этом эпизоде простым свидетелем, слушателем. А бригадир-овощевод не участвует в работе:

«...огурцы снимать по всем правилам... Берем, значит, в руку огурок, большим пальцем нажимаем на плодоножку... Но плети не подматать, не пересвертывать и тем паче не затаптыгивать...»

В романе есть и удача. Когда старик Поликарп Евстигнеевич решает отплыть в колхозную деревню «Березку», а взамен взять одну из плохих коров с колхозного двора, возникает и спор с женой, и разлад с одноклассниками, и сомнения у родственников. Так борьба за решение хозяйственных задач помогла раскрыть человеческие отношения.

Воронин хорошо знает жизнь переселенческих колхозов на Барыльском перешейке, освобожденном от врага. Писатель знает людей, пришедших сюда с разных концов страны и положивших начало новой жизни в этом суровом крае. Он правильно понимает процессы, происшедшие в последние годы в советской деревне.

Почему же не все удалось автору, почему его герои часто остаются иллюстративными к правильной мысли, а не становятся живыми, полнокровными образами? Проследите это, прежде всего, потому, что Сергей Воронин в своей работе пошел по линии последовательного описания фак-

тов, не ставя перед собою трудную задачу построения динамичного, напряженного сюжета. Сам автор в последствии к роману пишет: «На этом, пожалуй, можно бы и закончить, но книга, как и жизнь, не имеет конца. Какой же может быть конец, если людям предстоит совершить еще много славных дел...»

Жизнь, действительно, бесконечна, но это не значит, что живописец не может остановить свой выбор на одном эпизоде, воплощающем наивысший, типичный момент развития, что скульптор не может запечатлеть одно, застывшее в камне или бронзе, главное движение, что писатель не должен избирать определенную и в этом смысле законченную картину.

С. Воронин недооценивает право и обязанность писателя отбирать факты и из них, как из материала, строить произведение. Он забыл, что для превращения фактов в художественные образы необходимо особое их сочетание, сопоставление, освещение — все то, что называется композицией.

Мы читаем, как Бузма Иваныч Петров, главный герой романа, председатель колхоза, радуется рождению сына, как он следит зачеты или проводит собрание, — и не можем не одобрить его: он хороший семьянин, деятельный председатель, и старательный студент-заочник. Но мы только тогда видим героя, когда он включается в действие, вступает во взаимоотношения с другими героями, участвует в конфликтах.

Роман, лишенный композиционной стройности и сюжетной четкости, получился во многих своих частях описательным, статичным. Пожалуй, главный его недостаток состоит в том, что приглушены и не разрешены жизненные конфликты, намеченные автором.

В одной из удачных глав, рассказывая о возникшем на заседании райкома споре по поводу укрупнения колхозов, Воронин хорошо нарисовал образ председателя колхоза — Говоркова. Нам ясно, что связь Говоркова на «географическую и историческую историю края», его возражения против укрупнения колхозов основаны на коренных пороках его мировоззрения. Разоблачение этих пороков в остром конфликте было бы и жизненно и сюжетно оправдано, но автор забывает о Говоркове, не доведя ни конфликта, ни образ до конца.

Действует в романе и другой противник укрупнения — Балашов, бывший председатель одного из мелких колхозов. Этот образ развивается интересно и противоречно: подчас кажется, что Балашов просто обижен на то, что его не выбрали председателем, иногда кажется, что он отсталый человек, не понимающий нового, а иной раз мы видим, что это враг. Конфликт нарастает и, после того как Балашов намерен сорвать начало весеннего сена, должен быть разрешен. Но... автор уходит от решения, и мы видим, как Балашов сам удивлен, что его не выгнали из колхоза. Это и впрямь удивительно: вся логика развития образа вела к пониманию Балашова, как врага, которого надо до конца разоблачить.

Так смягчены и сведены на нет конфликты общественные. Точно так же смягчены и конфликты личные. Воронин показывает своих героев в быту, в учебе, в любовных переживаниях. Но очень уж легко проходит неудавшаяся любовь Индира к Полине, Полина — к Василию. Так легко, что нелегко кажется: не настоящая это была любовь, не такая, за какую выдал ее автор.

В романе есть и запоминающиеся образы, и живые сцены: в нем содержится большой и интересный материал. Надо, чтобы автор снова вернулся к роману, серьезно поработал над его композицией, выявил и углубил конфликты, раскрывал действительность в ее непрерывном движении.

В романе есть и запоминающиеся образы, и живые сцены: в нем содержится большой и интересный материал. Надо, чтобы автор снова вернулся к роману, серьезно поработал над его композицией, выявил и углубил конфликты, раскрывал действительность в ее непрерывном движении.

150 лет со дня рождения А. И. Одовского

Исполнилось 150 лет со дня рождения замечательного русского поэта-декабриста А. И. Одовского.

Заключенный в Петропавловскую крепость за участие в восстании 14 декабря 1825 года, А. Одовский, как известно, был приговорен к 15 годам каторжных работ. Он был выслан в Читинский острог, затем — в Петропавловскую тюрьму за Байкалом и последнее — на поселение в Ишим. Только незадолго до смерти, в виде особой милости, он был переведен на Кавказ рябовым солдатом, где и умер от лихорадки в возрасте 37 лет.

А. И. Одовский широко известен, как автор знаменитого стихотворного ответа декабристам на пушкинское «Послание к Сибирь». Из этого стихотворения В. И. Ленин взял слова «Из лески возгорится пламя» в качестве эпиграфа к большевистской газете «Искра».

Читатели-современники не знали Одовского. Хотя к моменту его ареста им было создано уже довольно много произведений, но не только не публиковались, но и не любил записывать. «Я почти никогда не кладу своих стихов на бумагу...» — писал поэт в одном из писем к другу.

После декабрьских событий поэтическое творчество Одовского стало особенно ярким и значительным. Но царская цензура запрещала даже упоминать его имя в печати. За исключением одного стихотворения, напечатанного в десятом томе «Современника» за 1838 год, при жизни поэта в легальной печати не было опубликовано ни одного стиха за его подписью. Литературное наследие А. И. Одовского стало известно по спискам, хранящимся у разных лиц, по архивам друзей и знакомых поэта. Только через сорок с лишним лет после его смерти было выпущено первое собрание сочинений Одовского. Оно хранится в настоящее время в библиотеке Государственного литературного музея. В этом издании 57 стихотворений, пятнадцать из которых опубликованы впервые — по автографам и авторизованным спискам. Составитель А. Розен пишет в своем предисловии: «Собранные здесь стихотворения Одовского были им самим прочтены в памятной моей книжке, в Петербурге в 1838 году, за год до его кончины».

За время, прошедшее после выпуска этого издания, наследие Одовского обогатилось большим количеством новых разсысканных. Советскими литературоведами, например, найдены замечательные революционные стихи поэта, относящиеся к периоду его сибирской ссылки. После Великой Октябрьской социалистической революции обнаружена почти четвертая часть наследия А. И. Одовского.

Общественность нашей страны широко отмечает памятную дату. Много писателей побывало в эти дни в областном музее Читы, где выставлены многочисленные экспонаты, рассказывающие о пребывании декабристов на каторге в Забайкалье. Большой интерес вызвали представленные в музее экземпляры стихотворений поэта, в числе которых пламенный ответ декабристов на послание Пушкина, написанный А. И. Одовским в Читинском остроге.

В газете «Патриотская правда» напечатаны отрывки из последних стихов поэта, написанных в сентябре 1838 года в Читинском остроге. В библиотеках города организованы выставки, рассказывающие о жизни, деятельности поэта-декабриста, о его пребывании в ссылке на Кавказе, в Лазаревском близ Сочи, где скончался А. И. Одовский, открыты памятник-обелиск поэту. На его могилу были возложены венки. Имя А. И. Одовского присвоено районной библиотеке и одной из улиц поселка Лазаревского.

ПРИЕЗД ДЕЛЕГАЦИИ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В Москву по приглашению Союза советских писателей СССР 6 декабря прибыла делегация польских писателей. Делегацию возглавляет генеральный секретарь Союза писателей Польской Народной Республики Ежи Пуцматер.

На Белорусском вокзале делегацию встречали советские писатели. От имени литературной общественности Москвы гостей приветствовал В. Катаев.

А. МАРЬЯМОВ

„РЕВИЗОР“ НА ЭКРАНЕ

Гаснет свет, прохладит на экране зал, и в зале звучат слова, одна из которых каждому зрителю знакомы наизусть:

— Я приглашаю вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренебрежительное известие. К нам едет режиссер.

Вековая сценическая жизнь великой гоголевской сатиры породила целую армию режиссеров и актеров побед и поражений. На протяжении пятнадцати лет после написания комедии сам Гоголь не раз читал инсценировку, добиваясь того, чтобы она прозвучала со сцены именно так, как была задумана автором. В реалистическом русском театре работа над образами «Ревизора» стала высшей школой сценического мастера. Уже М. С. Шенкин, раскаявшийся о сдвигании, полученном от игры Пропа Одовского, в качестве высшей школы похвалы горю, что актер это «чувствует» ли совсем постиг тайну гоголевского языка?

В театр влезло Гоголя сознание того, что здесь «может поместиться» вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек, и что вел эта толпа ни в чем несходная между собою, может вдруг потрясти одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одними всеобщим смехом.

Постановка «Ревизора» в кино дала великой комедии аудиторию, несравненно большую, нежели та, о какой мог мечтать писатель. Но работу участников этой постановки следует оценивать по тем же критериям, которые называл драматург: по умению построить уже не тысячную, но миллионную аудиторию одним потрясением, исторгнуть из нее «одни слезы» или «одни всеобщий смех».

Режиссер фильма Ва. Петров подошел к экранизации одного из величайших произведений русской драматической литературы с большим тактом, стремился бережно донести до зрителя силу гоголевских образов, гоголевского слова. Постановщик не поддался соблазнам, тающим в подлинности киноизображения, не стал разбавлять живую аудиторию, уводя ее от той иллюзии, в какую замкнул драматург действительной сцены, подчиняясь законам сцены. Лишь комедийными скучными штрихами показав на экране тот город, в котором застрял «издержавшись в дороге», проезжающий в Саратовскую губернию петербургский «селистраника» Хлестаков, Медалькин покосившиеся столбы, вросшие в землю халупы, ступившая в джугу догоняющий бричку «Бобчинский»: явилось взору казенное убожество «боготогодного заведения», да еще показав фронт тот дома, в котором проживает местный городничий — Антон Антонович Сквозник-Дмухановский. Вот, пожалуй, и все отступление от места действия, указанного в ремарках пьесы.

Однако раз уж упомянули мы о месте действия, то следует тут же сказать и о том, что режиссер и художник (В. Калуповский) чрезмерно украсили вид городского здания, поставили его, так сказать, на петербургскую ногу и тем самым, несомненно, погрешили против замысла, на котором настаивал автор. Известно ведь, как Гоголь, когда постановка «Ревизора» осуществлялась впервые, сам уносил со сцены чересур изысканную мебель и воздвиг такую примету сурового провинциально-мещанского «уютца», как клетка с канарейкой.

Помыслив нарушить прямое указание драматурга в этом отношении идеалист по роле в последние годы и в театральные годы. Они обосновывались тем, что мол, Гоголь в силу цензурных обстоятельств показывал на сцене провинциальное городишко, а на самом деле удар его метил по столпам столичного чиновничества. И вот в такой предисловий возник городской с обликом генерал-губернатора (таким он, в частности, явился и в недавнем спектакле Центрального театра

Советской Армии), и непонятно было, почему, собственно, он мечтает после сватовства Хлестакова к его дочери, что теперь-де можно будет «большой чин зашибить», что «со временем и в генералы влезешь».

Такое «прояснение» гоголевского якобы замысла является мнимым и несостоятельным, ибо при создании образа городничего Гоголь ничем перед цензурой не попустился. Он писал и М. Шенкину, и М. Погодину о том, что намерен был показать и показать в своей комедии именно жизнь провинциальной России. Для того, чтобы показать нравы царского Петербурга, нужны были иные краски и образы, — и они, несомненно, вылезли Гоголю. Подменить же эти, так и не взятые писателем с палитры краски простым переселением Сквозник-Дмухановского из уездного домика в столичные хоромы — дело наименее и зрящее.

По счастью, в фильме приукрашено только жилье городничего. Самый образ его трактован необыкновенно точно и убедительно. Пушкин подарил Гоголю рисунок, изображающий Антона Антоновича. На этом рисунке мы видим человека подобострастного и одновременно жестокого, с низким лбом и каменным подбородком, с брычком чревоутопника и с выпирающей ушами. Артист Ю. Толубев следует этому рисунку и во внешнем облике и в раскрытии образа.

Столь же крупной удачей фильма, плодом умной, углубленной актерской работы является и исполнение роли Хлестакова И. Горбачевым.

Когда мы впервые видим, как появившийся на экране Хлестаков валится на кроватку в захаладом гостиничном номере, как оттопыривает он губы или выныривает в воздух палец, следуя потоку неподомых, но очевидно, пренебрежительных мыслей, — мы сразу понимаем, что он и «несколько придуловат», как сказал о нем Гоголь, и «без царя в голове», и решительно «не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли». Труднейшая сцена комедии — сцена урания Хлестакова — является наиболее ярким актерским достижением Горбачева. Слова тут вылетают у него изо рта безо всякого умысла; он сам как бы слышит их со стороны, слыра несколько даже и удивляется им, но затем принимая их совершенно искренне на веру. Быть может, только одну ошибку совершает здесь актер, пытаясь при помощи французского проноса создать впечатление различия между тем «Юрием Малодомским», что написал Загоскиным, и тем, который «написал» он сам — Хлестаков.

«Каждое слово его, то есть фраза или предложение, есть акрипорт совершенно неожиданный», — писал о сцене урания Гоголь в письме к М. С. Шенкину. И этот гоголевский замысел со всей точностью и бережностью донес до зрителя И. Горбачев.

Пневосходен Земляника в исполнении М. Ишнина — беспардонный злодей и вместе с тем трус; беззаконник и наушник; сластолюб и ханжа, дополнение образа городничего и притом неповторимая в своем роде «винья в ермолке».

Остальные четверо из «шести провинциальных чиновников», которых помнил в своем письме к Погодину Гоголь, это — Ялик-Тяпкин, Хлопов, Шекин и уездный лекарь Кристиан Иванович Гибнер, по причине незнания русского языка издающийся лишь звук, «отчасти похожий на букву и и несколько на э». Этот лекарь в исполнении арт. А. Гудзева кажется фигурой не столько смешной, сколько страшной: этаким холодящим мертвец, неуловимый предмет, которому надлежит забиться о врачевании живых людей. Шекин же и Хлопов (артисты Э. Галин и П. Павленко) оказались в фильме, напротив, несколько смягченными, так сказать, излишне «очеловеченными». В сцене, когда Шекин

впервые появляясь в квартире городничего, принимается читать письмо неизвестного поручика, Галин играет человека, который вскрывает чужие конверты с чисто хлестаковским безобидным легкомыслием, как бы вися в письмах лишь род литературы, доставляющий ему чисто эстетическое наслаждение. Образ получился законченным и интересным, но это... не образ Шекина. И Ялик-Тяпкин (арт. С. Банников) более приблизился к Ноздреву, увлекшемуся, как и судья, борзым щенками, чем к образу того басовитого хриплого человека со значительной манной, какого рисует Гоголь в своей комедии.

Решительно неверна Мария Антоновна (арт. Т. Носова). И не потому, что она играет девицу, которая, кроме глупости, никаких иных отличительных черт не имеет. Вряд ли и драматург видел у дочери городничего какой-либо ум, кроме того практического ума, который надобен, чтобы обучиться с проезжим петербуржцем. Но, играя дурочку, актриса прибегает к тем внешним гротесковым средствам, которые, по счастью, отсутствуют в игре всех остальных актеров, и резко выпадает из общего ансамбля. В этом, конечно, повинна не только исполнительница, но и режиссер.

Общий же ансамбль, участвующий в фильме, при всех частных недостатках, указанных выше, несомненно, хорош и целен. И это относится не только к исполнителям главных ролей, как Осип (А. Грбов) или Анна Андреевна (А. Георгиевская), но и к большинству исполнителей ролей эпизодических, вплоть до роли жанدارа (В. Ершов).

Способность донести гоголевское слово до самой массовый аудитории — такое главное и бесспорно достигнутое достоинство нового фильма. С первых кадров именно слово всего побоем берет артельный зал, то и дело вызывая тот самый «всеобщий смех», о каком мечтал Гоголь, работая для театра. Для того, чтобы дать такую силу воздействия, необходимо, конечно, не только мастерство драматурга, но и тонкость режиссерской трактовки, и то самое актерское умение «постигнуть тайну гоголевского языка», о котором еще при жизни великого драматурга говорил М. Шенкин. Эти качества есть в фильме.

«Ревизор» — не экранизация спектакля. Режиссер В. Петров подошел к комедии Гоголя, как к сценичному фильму, и оказался, что это замысел, вполне осуществимый. Потребовались лишь некоторые допустимые перестановки текста там, где режиссер счел нужным вынести действие за пределы комнаты, и небольшие — очень, впрочем, небольшие — сокращения, для того, чтобы уложиться в метраж фильма, более точный, нежели рамки сценического действия.

И та живая реакция, какую будит в зрительном зале «Ревизор», показанный на экране кино, заставляет задуматься над одним вопросом, выходящим за пределы этого фильма: в каком направлении развития нашей современной кинодраматургии.

Говоря о специфике кинодраматургии, у нас нередко слышим большой упор делают на элементах внешней занимательности, на стремительности действия — на том, что составляет, так сказать, «трюк» кинодраматурга, его умение искусственно привлечь внимание зрителя к экрану. Слово нет, спецэффекта в работе литератора для кино существует. Возможность киноаппарата lenses, и писатель, работающий на сцене, должен уметь учитывать и использовать эти возможности. Но успех «Ревизора» еще раз показывает, что и в кинодраматургии, как и в любой другой отрасли литературы, самым могущественным оружием писателя является слово — ясное и крепкое слово художника, слово жизненной правды.

С экрана Гоголь учит писателя так же, как он учит его на сцене и в книге.

Народный писатель

В день открытия XIX съезда партии в «Правде» была напечатана статья Андрея Упита. Латышский писатель рассказал в ней, как нынешним летом обнесет те места, где некогда батрачили от зари до зари на чужих полях. Побывал он и в родной деревне; теперь там возник колхоз «Земля зеленая», названный именем одного из крупнейших произведений Упита. Великие перемены произошли на родине писателя и на всей латышской земле за последние годы. Ныне изменились самые основы жизни старого латышского хутора. Изменился духовный облик народа. Социалистической строй поднял жизнь на новую, невиданную ступень, расковал могучие творческие силы народа, открыл его верой в завтрашний день.

5 декабря Андрею Мартыновичу Упиту, народному писателю Латвийской ССР, действительному члену Академии наук Латвийской ССР, исполнилось 75 лет. Когда думаешь об этой жизни, каждый час которой с юных лет до сего дня зановен неустанным трудом, — его по-тобойски хочется написать с большой буквы, — то начинает раскрываться смысл высокого и значительного знания: народный писатель. Народный писатель — не только выходец из народа по обстоятельствам своего рождения и воспитания. Народный писатель — это прежде всего выразитель духа народа, борьбы и труда народа. Это связь с народом, глубокая, всесторонняя, проникающая в самое существо произведений, определяющая не только их содержание, но и форму.

А. Упит с полным правом может быть назван писателем гольковского направления, соратником Гольского по самому духу своего творчества.

Андрей Упит, сын безземельного крестьянина, своим талантом, светлым умом и неистощимым трудолюбием пробивал себе дорогу в жизни. Свою деятельность он начинал более полувека тому назад младшим учителем начальной школы Мангальской волости; к этому времени относятся его первые выступления в латышских журналах и газетах со стихами и небольшими сатирическими рассказами. Затем начинают появляться его повести, драмы, романы.

Вступив в литературу на рубеже двух столетий, Упит окончательно сформировался как художник рабочего класса в период

революции 1905 года. В его творчестве (как и латышского писателя Яниса Райниса) талантливо и могуче проявились те силы и условия, которые выдвинули тогда, по выражению Ленина, латышский рабочий класс и латышскую социал-демократию в первые ряды революционного социал-демократического движения России.

Ни в чем так ярко и отчетливо не сказались глубокая связь Упита с борющимся революционным пролетариатом, как в его произведениях, написанных в глухие годы реакции. В эти годы, когда декаденты, унываясь формализмом, красивыми фразами, открыто предавали интересы народа, писатель, подобно Гольскому, остается верен интересам народа. Гольский в самое тяжелое время, в годы реакции, создает свою знаменитую повесть «Мать». Упит в 1908 году приступает к созданию эпопеи «Робекники» — о жизни и освободительной борьбе латышского крестьянина. Плот этого труда — восемь романов, на которые было потрачено свыше двадцати лет.

Упит разрабатывает перед читателем подробнейше выписанные картины крестьянского быта, условий труда, картины социальных и экономических сдвигов, происходивших в народной толще в конце прошлого века под напором развивающегося капитализма. В правдивых и сильных образах автор показал процесс того, что Ленин назвал раскрестьяниванием крестьянства: разложение патриархальных отношений в латышской деревне, возникновение капитализма, особенно торгового, высасывающего все соки из попавшей в его цепкие лапы бедноты.

Образ героя романа Мартина Робекника, ставшего сознательным рабочим, является одним из первых в латышской литературе образов нового положительного героя, которого пролетариат выдвинул из своей среды. Упит наделил своего героя высокой революционной сознательностью, чувством классовой солидарности, пониманием исторической миссии рабочего класса. В отличие от упадочнического буржуазного направления Упит показывает своих героев, идущих в революцию, как людей с сильным духом и волей.

Именно в этом смысле и можно говорить об элементах социалистического реализма в эпопею А. Упита о Робекниках. При этом мы имеем в виду прежде всего образ Мартина, вынуженный автору самой жизнью,

революционной действительностью. Но мы не погрешим против истины, если скажем, что для Упита в этот эпопею не прошел бесслесный опыт и пример Максима Горького. Повесть Горького «Мать», вышедшая в 1907 году, произвела не только огромное впечатление на миллионы читателей. Произведение это оказало глубокое революционизирующее влияние и на развитие всей переловой литературы мира.

Главное направление, ясно обозначившееся в эпопею о Робекниках, было направлением реалистического социального романа. И можно не сомневаться, что повесть «Мать» сыграла существенную роль в развитии утопического реализма, который сложился не сразу.

Понятие революционного духа типично, стремление идти вперед и вглубь, характерно для творчества А. Упита. В период столыпинской реакции и нового подъема рабочего движения он пишет романы, в которых разоблачал латышскую городскую буржуазию и мещанство. Упит создает драматическую трилогию: «Мирабро», «Жанна д'Арк», «Спартак». Он пишет новеллы, романы которых являются представителями разных классов не только латышского общества, но и французского, английского, римского. На страницах произведений Упита мы встречаем представителей самых разных социальных прослоек. Писатель создавал целую галерею образов крестьян, пролетариев, мещан, мелких буржуа, рабов, церковников, интеллигенции и т. д. Он выступает не только как мастер эпического жанра, но и как сатирик. Сатира (особенно в его рассказах) — одна из наиболее сильных сторон Упита-художника. Нет в латышской литературе более язвительного и острого критика деревенской и городской буржуазии, самодовольных мещан. Упит автор многотомной «Истории романа», многих критических работ, он перевел на латышский язык произведения Пушкина и Гоголя, Грибоедова и А. Н. Толстого.

Все это идейно-художественное богатство, созданное Упитом, — до двадцати одного только романа, — на наш взгляд, еще недооценено. Многие произведения Упита не переведены на русский и другие языки народов СССР, не изучены и мало известны всеобщему читателю.

Латышская литература является в широкой океане многонациональной советской литературы. Два последних больших романа А. Упита, созданные им в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, — «Земля зеленая» и «Провет в тучах», — являются достижением всей советской литературы, ярким показателем не только таланта и ума, но и необыкновенного, упорного труда художника. Уже в том возрасте, когда иные из писателей считали бы себя вправе «почтить на лаврах», А. Упит создает эпопею «Провет в тучах» (объемом свыше 74 печатных листов).

«Земля зеленая» и «Провет в тучах», хотя и взаимосвязаны между собой, так как главные герои первого романа (Андрей Осие, его сестра Анна и молодой братик Кальвин) появляются и на страницах второго романа, тем не менее представляют собой два самостоятельных произведения. Каждый рисует свой мир, но оба вместе они являются примером того, что мы бы назвали эпопею нового типа, ныне рождающейся на почве социалистического реализма во многих литературных братских советских республиках. Тема утопического аса — это тема рождения пролетариата из крестьян и батраков, приходящих в город на фабрику, это тема рождения пролетарской сознательности и воспитания в трудящихся людях тех героических качеств, которые в своей исторической борьбе выработала в себе пролетария.

В обоих романах можно было бы поставить эпиграфом слова В. И. Ленина из его классической работы «Что такое «дружба народов» и как они выюют против социал-демократов?», написанной как раз в те годы, изображению которых посвящен «Провет в тучах»: «Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его капитал, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, — неизбежно требует от рабочих организации, неизбежно становится войной не против личности, а против класса, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а везде и повсюду гнетет и давит трудящегося. Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатированного населения...»

По, хотя идейную основу реализма Упита еще до Великой Октябрьской революции определяла протарская борьба за социализм, было бы неправильно не видеть качественно нового в реализме Упита последних лет. Этот литература социалистического реализма, новый жизненный и исто-

рический советский опыт побудили латышского писателя к тому, чтобы показать еще раз эпоху Робекников, но показать в новом свете. Той идейно-художественной трактовкой действительности, какая, например, есть в «Провете в тучах», еще не могло быть в «Робекниках». Реализм А. Упита поднялся на новую высоту вместе с великими социалистическими преобразованиями в нашей стране. Пролетарское и социалистическое в «Провете в тучах» выдвинуло более ярко, определенно и идейно более значительно. В «Провете в тучах», как романе о рабочем классе, перед нами выступает духовный облик тех людей, сыновья и внуки которых уже строят коммунистическое общество.

Роман «Провет в тучах» еще будет написано немало литературно-критических и научных работ. Думается, что этот роман встанет в ряд с самыми крупными произведениями нашей литературы о рабочем классе, о людях труда, создателях всех ценностей на земле.

«Земля зеленая» и «Провет в тучах» — это широкая картина латышской жизни конца прошлого века. На фоне глубоких экономических процессов, происходящих в Латвии в последний четверти девятнадцатого века, Упит с крушением проследил, как в среде передовой демократической интеллигенции («новотененцы», Вейденбаум, Райнис и др.) совершались элементы пролетарской революционности, как в рабочем классе прокладывалась себе дорогу идея марксизма, как обострилась классовая борьба неизбежно порождала идеологическую демократическую и социалистическую.

Упит подводит читателя к своим глубоким художественным обобщениям не только путем характеристики эпохи в целом, посредством авторских отступлений публицистического и исторического характера или обобщений исторического спена (такова, например, величественно написанная сцена похорон Анны Осие в романе «Провет в тучах»). Прекрасно владея всеми этими художественными приемами, Упит здесь же центр тяжести переносит на другое. Он ведет читателя к большому художественным обобщениям путем детального, подчас кропотливого описания человеческих характеров. В творческой манере Упита наглядно и сильно проявляется себя аналитическое, исследовательское начало. Оно не только описывает, что это — художник.

Близкое детализирование, приводящий к замедленному развитию сюжета, является

недостатком повествовательной манеры писателя, однако не затрагивает основ его реализма. В том и состоит своеобразие утопического реализма, что, раскрывая генеральную действительность, какая, например, есть в «Провете в тучах», еще не могло быть в «Робекниках». Реализм А. Упита поднялся на новую высоту вместе с великими социалистическими преобразованиями в нашей стране. Пролетарское и социалистическое в «Провете в тучах» выдвинуло более ярко, определенно и идейно более значительно. В «Провете в тучах», как романе о рабочем классе, перед нами выступает духовный облик тех людей, сыновья и внуки которых уже строят коммунистическое общество.

Опыт А. Упита — мастера больших исторических эпопей — имеет поучительное значение для всей советской литературы. Наша эпоха с ее гигантским размахом исторических событий, в которые вовлекаются десятки и сотни миллионов людей, естественно, тяготеет к монументальному, синтетическому искусству.

Творчество А. Упита мы вправе поставить в ряд крупнейших явлений советской литературы. Оно — пример того, как много идейных и художественных богатств может почерпнуть писатель в рабочем классе, в его великой освободительной борьбе, если этот писатель становится гашатаем, художником и борцом за эти идеи. Творчество Упита — замечательный пример того, как на почве общерусской переловой культуры и литературы развивался реализм, который был далеко впереди буржуазного реализма еще в дореволюционные годы. Творчество Упита — замечательное подтверждение того, что переловые художники старшего поколения, в прошлом тесно связанные с жизнью и борьбой рабочего класса, ныне также стоят на первой линии фронта искусства социалистического реализма.

Андрей Упит обогатил советскую литературу галереями образов и характеров своего родного латышского народа. Он принес свою любовь к трудящимся, свой пафос знаний и могучее трудолюбие, что своеобразно преломилось в самом художественном методе латышского писателя. И все это вместе взятое является тем вкладом, который вносит творчество Андрей Упита в общую сокровищницу многонациональной литературы социалистического реализма.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

ЗНАМЯ МИРА

В городах и селах Германской Демократической Республики с большим успехом прошел месячник германско-советской дружбы...

Мой народ! Страна Советов / В дружбе с жизнью мы разведем / Нам, как солнце, Новый мир ползутичим / Нас друзей советских, Дорога, Пусть враг народов / От цепей освобождения, сила, Знает: / Защитила от врага, Сталин путь наш озарит — / Значит — мир непобедим!

Перевел с немецкого Лев ГИНЗБУРГ

ИТАЛИЯ В ЭТИ ДНИ...

Движение в поддержку Конгресса народов в защиту мира разрастается в Италии быстро и неудержимо словно лавина, катящаяся с горной вершины...

Итальянские борцы против новой войны, популяризируя предстоящий Конгресс народов, распространяют «открытки мира»... На одной стороне открытки изображена девушка с голубем, а на другой напечатан призыв Международной демократической федерации женщин...

Тысячи женщин Италии ставят свои подписи на «открытках мира» и в знак солидарности и поддержки ассамблеи наций отправляют их по адресу: «Вена, Конгресс народов в защиту мира».

В городах и провинциях Италии проводятся конференции, собрания, митинги в защиту мира. Только за один день 30 ноября в Риме состоялось сорок районных митингов, в которых приняло участие около 80 тысяч человек.

Многочисленные триумфальные арки и ворота Пекина обвиты кучаком. Повсюду портреты товарища И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна. Красные знамена, плакаты, лозунги, сияние красочных витрин...

Странники мира в Палермо решили послать в Вена фотографии своих детей; наклеив фотокарточки в альбом, они написали: «Это наши дети, мы хотим их спасти».

Большой размах приняла подготовка к Конгрессу в тех районах Италии, где американские оккупанты сооружают военные базы или устраивают «устрашающие» военные демонстрации.

Итальянская реакция всячески старается помешать движению мира. В поход против сторонников мира включился Ватикан.

Правящие круги Италии вступили на путь прямого полицейского произвола. Как известно, правительство де Гаспери аннулировало паспорта итальянских делегатов на Конгресс...

Решение правительства де Гаспери вызвало резкий протест демократического общественного мнения страны. Член Бюро Всемирного Совета Мира Эмилио Серени заявил: «Сторонники мира установили широчайшие связи с новыми силами мира».

Итальянский народ горячо верит в победу сил мира. Простые люди Италии говорят: Конгресс будет новым шагом вперед на пути к сохранению мира во всем мире!

НА СНИМКЕ ВВЕРХУ: репродукция картины итальянского художника Доменико Пурификато — «Девушка с голубем», распространяемая в Италии борцами за мир в виде «открытки мира».

Три студента одного американского колледжа во время каникул предприняли агитационную поездку по стране на автомобиле — «поездку мира».

Студенты, сообщает американская газета «Найтинг гэдиз», помещавшая эту фотографию, пересекли 14 штатов, покрыв в общей сложности 5.400 миль. Где бы они ни появлялись, всюду эти сторонники мира встречали самое сочувственное отношение к своему требованию.

Месичники китайско-советской дружбы пропел под лозунгом: «Учиться у Советского Союза во всем, идти вместе с советским народом в светлое будущее».

Ив. ФЕДОРОВ

В городах и селах Народного Китая и Польши, Чехословакии и Германской Демократической Республики прошли и близятся к завершению традиционные месичники дружбы с великим Советским Союзом.

Величественные перспективы строительства коммунизма в СССР, успехи советских людей в мирном созидательном труде, достижения советской науки, литературы и искусства воодушевляют трудящихся демократических стран в их борьбе за новую жизнь, служат великой вдохновляющей силой.

Месичники дружбы с нашей Родиной — яркое свидетельство величайшего доверия миллионов простых людей к Советской стране, к мирной сталинской внешней политике. Идея укрепления и расширения дружеских связей с советским народом близка сердцу каждого трудящегося в странах народной демократии.

В исключительной теплой и сердечной обстановке проходил в нынешнем году в Польше традиционный месичник польско-советской дружбы.

Огромен и всеобъемлющ интерес нашего народа ко всему, что происходит в Советской стране, откуда исходят самые передовые идеи века. Этот интерес нашел свое яркое отражение и в дни месичника. На заводах Силезии и в нашей столице, в городах и деревнях на Западных землях, в школах и учреждениях, по всей моей родине с большим подъемом и оживлением проходили собрания польско-советской дружбы.

Наша печать полна писем польских трудящихся, в которых они обращаются со словами благодарности к советским людям, показывающим, как нужно строить новую жизнь, превращать в действительность смелые планы. Вот, например, письмо Марии Лукашевич, рыбачки из Дарлова. «Дорогая сестра! — обращается она к Валентине Ординой, капитану советского китобойного судна «Штурм». — Ты даже не предполагаешь, в какой мере моя жизнь связана с твоей, как много в моей жизни изменилось благодаря тебе. Следуя твоему примеру, я выезжаю на рыбачьем катере в Балтийское море».

Можно ли найти более светлый и вдохновляющий пример нашей крепнущей дружбы, чем замечательный подарок Советского Союза герцогу Варшаве — строительство Дворца культуры и науки. Все варшавские с величайшим вниманием следят за ходом стройки. Советские строители дворца воздвигли высокую деревянную трибуну, с которой открывается широкий вид на огромную площадку. С утра до позднего вечера толпятся на этой трибуне жители Варшавы. Они видят чудную советскую технику — могучие экскаваторы, бульдозеры и другие машины, укоряющие и облегчающие труд человека. И сердца варшавян наполняются гордостью и уважением к советским людям, забывающимся о возрождении Варшавы.

Радостно приветствовали по всей нашей стране советских гостей — делегацию во главе с поэтом А. Сурковым. В Доме литературы в Варшаве состоялась дружеская встреча А. Суркова с польскими писателями. Встреча с советским писателем показала, какой любовью пользуется у нас советская и русская классическая литература. Об этом убедительно говорят и стихи, которые издается у нас советские книги. На польском языке вышли советские книги общим тиражом 66 миллионов экземпляров. Рука об руку, вместе с первой «Лазарной бригадой» — великим Советским Союзом, идет вперед Народная Польша.

Ежи ПУТРАМЕНТ, польский писатель

МЕСИЧНИКИ ДРУЖБЫ

В КИТАЕ

Учиться у Советского Союза

Многочисленные триумфальные арки и ворота Пекина обвиты кучаком. Повсюду портреты товарища И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна. Красные знамена, плакаты, лозунги, сияние красочных витрин...

Трудно описать чувства дружбы и гостеприимства, с которыми встречал китайский народ советских гостей — делегацию деятелей культуры, и особенно Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии.

В парках столицы ежедневно проводились массовые гуляния. Весь день радио разносило советские песни на русском и китайском языках. В ряде старинных парков имени Сун Ят-сена открылись фотовыставки, посвященные успехам советского народа в борьбе за коммунизм.

Здесь всегда многолюдно. До четырех тысяч человек ежедневно бывает на выставке картин о Советском Союзе во Дворце культуры трудящихся Пекина.

Нестихающее движение царило в эти дни на прилегающих к Пекину дорогах. То и дело мчались по ним из ближайших уездов города и деревень грузовики, переполненные оживленными рабочими и крестьянами. Они спешили на коллективные просмотры выставок и советских кинокартин. За десять дней фестиваля советские кинокартины в театрах Пекина просмотрело более 400 тысяч зрителей. В Сиани, Ухани, Чанша и других городах билеты на советские кинокартины раскупались предельно, за 10 — 12 дней вперед.

Рабочие, крестьяне, интеллигенция, учащаяся молодежь проявляют живой интерес к жизни и творчеству своих советских друзей. Ученые Ухая и Ханькоу создали специальные бригады, пропагандирующие достижения Советского Союза в науке и технике.

В ряде производственных коллективов солдаты драматических кружков, которые разъезжают по рабочим клубам с постановками пьес о Зое Космодемьянской и героях Красной Армии. В Сиани возникли постоянные лектории, где выступают рабочие, крестьяне, представители молодежи, побывавшие в Советском Союзе. За первые же десять дней в этих лекториях побывало более 400 тысяч жителей Сиани. В Чунцине за это же время лекции о Советском Союзе прослушало более 300 тысяч человек.

В ходе месичника еще более усилилась тяга трудящихся Китая в Общество китайско-советской дружбы. В Нанкине, например, только за одну неделю более 45 тысяч жителей города подали заявления о вступлении в это общество.

Радостью свободного творческого труда, озаренного примером советских друзей, дышат многочисленные письма рабочих, крестьян, интеллигенции, публикуемые китайскими газетами.

В советских достижениях китайский народ видит грядущее колоссальное экономическое и культурное развитие своей страны.

Месичник китайско-советской дружбы пропел под лозунгом: «Учиться у Советского Союза во всем, идти вместе с советским народом в светлое будущее».

Общество китайско-советской дружбы создало раздельные кинобригады для демонстрации фильмов, которые знакомят население Китая с опытом социалистического строительства в СССР, с жизнью советского народа. На ФОТО — одна из таких кинобродяжек показывает фильм о Советском Союзе.

Снимок из китайской газеты «Женьминьжабы»

Строительство Дворца культуры и науки в Варшаве. Советские рабочие асфальтируют подъездные дороги к строительной площадке.

Снимок из польского журнала «Пшиазнь»

В той же Островской области, как и во всех промышленных центрах страны, наши рабочие учатся на опыте советских станочников и новаторов. И с каким упорством, гордостью и радостью они учатся!

Вот, например, один из таких передовых бойцов, выдающийся горняк островецких рудников, лауреат Государственной премии Ярослав Миска. Его ударная бригада неизменно перевыполняет план. Своим успехом Миска обязан советским шахтерам-стахановцам: у них он учится, их опыт перенимает, с них берет пример, как нужно побеждать.

Занятия кружка по изучению русского языка на заводе имени В. И. Ленина в Пльзене (Чехословакия). Таких кружков на заводе 50. НА СНИМКЕ: у доски учительница Барбора Штихова и один из слушателей кружка Ладислав Хесун.

Снимок из журнала «Свет в образах»

...Об истории безногого тракториста Алоиза Шайнера, работника машино-тракторной станции в Пльзеньской области, знают из газет и журналов все в Чехословакии. Еще в детском возрасте в результате несчастного случая Алоиз потерял обе ноги. Но он нашел в себе достаточно силы и воли, чтобы, преодолев огромные трудности, научиться управлять трактором: его вдохновил пример советского летчика Маресьева.

«Я дважды прочитал книгу Бориса Полевых «Повесть о настоящем человеке», — рассказывает Алоиз, — затем смотрел фильм, и я сказал себе: Алоиз, ты должен научиться водить трактор. Ведь Маресьев, не имея ног, управлял самолетом и даже участвовал в боях».

Месичник чехословацко-советской дружбы еще больше укрепил нерушимую дружбу двух народов. С чувством гнева мы узнали из показаний банды Сланского, что предатели и шпионы делали ставку на отрыв Чехословакии от Советского Союза. Не вышло и не выйдет! Мы твердо опираемся на надежное и могучее плечо старшего советского брата. Наша дружба с Советской страной подобна крылатой песте — она вливает свежие силы на пути к социализму.

И мы всегда помним слова нашего любимого Кlementa Готвальда: «С Советским Союзом на вечные времена».

Марта МАЦКОВА, редактор журнала «Советский Союз»

В ЧЕХОСЛОВАКИИ

На вечные времена

Острова — великое поле битвы нашей пятилетки. Это огромный край заводов и рудников, шахт и новостроек — стальное сердце республики. В дни месичника чехословацко-советской дружбы мы приехали в Остров с писателем Борисом Полевым. Не хотелось зала такого размера, чтобы вместить всех, кто желал встретиться с советским гостем.

Перед тем, как Борис Полевый начал говорить, собравшихся спросили, надо ли переводить его речь. И в ответ переполненный цирк заремел возгласами по-русски:

— Нет, не надо! Гордая любовь к советскому народу вдохновляла людей Острова, когда по вечерам, после работы в забое или у дома и марта, они со словарем в руках изучали русский язык. Как счастливы они теперь, что понимают советского писателя без переводчика!

Да и не только в Острове люди с любовью изучают дорогой и близкий им язык своих лучших друзей.

Наша дружба с вами, дорогие друзья, — это не только изучение языка, это и уважение к культуре и литературе. И, пожимая руку советскому человеку, они с гордостью провозгласят по-русски: «Передайте привет Сталину!»

В той же Островской области, как и во всех промышленных центрах страны, наши рабочие учатся на опыте советских станочников и новаторов. И с каким упорством, гордостью и радостью они учатся!

Вот, например, один из таких передовых бойцов, выдающийся горняк островецких рудников, лауреат Государственной премии Ярослав Миска. Его ударная бригада неизменно перевыполняет план. Своим успехом Миска обязан советским шахтерам-стахановцам: у них он учится, их опыт перенимает, с них берет пример, как нужно побеждать.

Занятия кружка по изучению русского языка на заводе имени В. И. Ленина в Пльзене (Чехословакия). Таких кружков на заводе 50. НА СНИМКЕ: у доски учительница Барбора Штихова и один из слушателей кружка Ладислав Хесун.

Снимок из журнала «Свет в образах»

...Об истории безногого тракториста Алоиза Шайнера, работника машино-тракторной станции в Пльзеньской области, знают из газет и журналов все в Чехословакии. Еще в детском возрасте в результате несчастного случая Алоиз потерял обе ноги. Но он нашел в себе достаточно силы и воли, чтобы, преодолев огромные трудности, научиться управлять трактором: его вдохновил пример советского летчика Маресьева.

«Я дважды прочитал книгу Бориса Полевых «Повесть о настоящем человеке», — рассказывает Алоиз, — затем смотрел фильм, и я сказал себе: Алоиз, ты должен научиться водить трактор. Ведь Маресьев, не имея ног, управлял самолетом и даже участвовал в боях».

Месичник чехословацко-советской дружбы еще больше укрепил нерушимую дружбу двух народов. С чувством гнева мы узнали из показаний банды Сланского, что предатели и шпионы делали ставку на отрыв Чехословакии от Советского Союза. Не вышло и не выйдет! Мы твердо опираемся на надежное и могучее плечо старшего советского брата. Наша дружба с Советской страной подобна крылатой песте — она вливает свежие силы на пути к социализму.

И мы всегда помним слова нашего любимого Кlementa Готвальда: «С Советским Союзом на вечные времена».

Марта МАЦКОВА, редактор журнала «Советский Союз»

Население Западной Германии ведет борьбу против обшего договора — против политики подготовки войны, проводимой властью Аденауэра. НА ФОТО — демонстрация сторонников мира в столице «федеральной республики» — Бонне. Демонстранты несут плакат с надписью, требующей проведения общегерманских переговоров.

Снимок из немецкой газеты «Форвертс»

ЧТО ПРОИЗОШЛО В БОННЕ

На днях боннский бундестаг был специально созван для окончательного утверждения милитаристских договоров. Используя методы грубого нажима и шантажа, боннский канцлер Аденауэр удалось добиться во втором чтении одобрения боннского и парижского договоров. Однако последние, третье чтение законопроекта о ратификации этих договоров отложено на неопределенный срок.

В прошлом месяце, когда Аденауэру так и не удалось протолкнуть военные договоры через бундестаг, присяжные пропагандисты в США и Западной Германии уверяли, что это, мол, объясняется «болезнью отдельных членов правительственной коалиции, пагубно повлиявшей на соотношение голосов в парламенте». В декабре, по сообщению тех же пропагандистов, хворые представители «коалиции» настолько оправались от своих недугов, что сумели выдержать многочасовые бурные «чтения» договоров в бундестаге. Тем не менее, окончательная ратификация договоров в Западной Германии снова отложена.

Таким образом, версия о «сезонном гриппе» провалилась. Оказалось, что лихорадка треплет не отдельных представителей партии Аденауэра, а всю партию в целом. Причем причины этого лежат за стенами бундестага и заключаются в том, что народные массы Западной Германии гневно протестуют против милитаристских договоров. Именно поэтому последние события в Бонне особенно встревожили заокеанских политиков. Выступая 6 декабря со специальным заявлением, Трумен грозил «серьезными политическими и другими последствиями», если «ратификация задержится и не будет осуществлена».

Американские и западногерманские бизнесмены не жалели ни сил, ни денег для того, чтобы протолкнуть милитаристские договоры в парламент. Блок партий христианско-демократический союз — Христианско-социальный союз должен был сыграть при этом роль главного агента американских империалистов. Недаром в главе этого блока находится столпы империалистической Западной Германии — крупный западногерманский банкир Роберт Шерденгес и первый западногерманский интриган Конрад Аденауэр.

Вокруг ХДС — ХСС сгруппировано множество опытных буржуазных политиков догитлеровской Германии. Янки-империалисты создали ряд «смежных» империалистических партий, образованных так называемое правительственное большинство в бундестаге. И, наконец, резерв американской дипломатии составляют правые социалисты, на словах отрицающие в оппозицию.

Несмотря на это, в боннском партийном здании обнаруживаются все новые и новые трещины. Прежде всего становится ясно ошутимым «отсев» из ХДС. Причем беглецы из партии Аденауэра не просто удаляются в кусты, а открыто выступают против партийной программы. В ноябре этого года демонстративно порвал с партией Аденауэра депутат бундестага, бывший министр внутренних дел Хейнemann. Еще раньше из ХДС вышел кельнский архиепископ Фрингес, член правления ХДС в английской зоне.

Катар, бывший министр финансов Вюртемберг-Бадена Кауфман, бывший обер-бургомистр города Люден Хаузинг и многие другие. Не так давно с резким протестом против политики Аденауэра выступила Шарлотта Флейшман, бывший председатель ХСС, заявившая: «Мы не должны успокоиться до тех пор, пока не будет сорвана ратификация общего договора и мы не добьемся общегерманских переговоров».

Нарконец, с заявлением о выходе из партии ХДС выступил видный буржуазный деятель, депутат бундестага Ханс Боленштейнер. Он сказал, что ХДС руководит в настоящее время группа лиц во главе с Шерденгесом, для которого «американский крупный капитал дороже, чем немцы». Шерденгес, который, по словам швейцарской газеты «Ди тат»,

стоялось, несмотря на то, что буквально накануне того, как собор бундестага, Аденауэр уже совещался со своей фракцией. (Очевидно, членам фракции потребовалось сделать новое «внушение».)

Борьба миллионов немецких трудящихся за единство и мир заставляет призвать к себе даже политиков из ближайшего окружения Аденауэра. Этим и вызваны не утешительные для американских и западногерманских империалистов итоги заседаний бундестага в ноябре-декабре. Несмотря на все более явный «жаминг» Вашингтона, боннские депутаты не решаются на ратификацию прелатских договоров. Они боятся размаха всенародного движения в Германии за единство и мир. Во время заседаний бундестага по всей Западной Германии прокатилась волна митингов и демонстраций — митинги состоялись в Тамбурге, Билефельде, Руссельсгейме, Бохуме, Ганновере, Дюссельдорфе, Мангейме и еще в десятках западногерманских городов.

Сознание того, что американско-боннская политика ремилянтации терпит все более явный провал, вносит раздор и сумятицу в ряды правящих партий Бонна. Ярким выражением этой сумятицы явилась новая отсрочка ратификации боннского и парижского договоров.

Л. ЧЕРНАЯ

Датская буржуазная газета «Берлингске аftenavis» 21 ноября 1952 года поместила заметку под заголовком: «Шахт расширяет фирму». В ней говорится:

«ДЮССЕЛЬДОРФ, пятница. Бывший гитлеровский министр финансов доктор Яльмар Шахт ходатайствует о разрешении открыть банк в Дюссельдорфе, заявил вчера вечером представителю государственного банка земли Северный Рейн — Вестфалия. Шахт уже провел подготовительные мероприятия к открытию банков в Гамбурге и Киле».

Комментарии излишни!

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1953 ГОД НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 12 мес. — 62 р. 40 к. « 6 » — 31 р. 20 к. « 3 » — 15 р. 60 к.

Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», отделении связи, общественными уполномоченными по подписке на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, совхозах и колхозах.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ «ГОД ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ»

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ОБЪЕМ КАЖДОЙ КНИГИ — 30 АВТОРСКИХ ЛИСТОВ

Подписная плата на год — 30 руб.

Почтовый адрес: Москва, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; редакции: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б40426.